

**ДАНИЛ
КОРЕЦКИЙ**

**ЛОГИКА
ВЫБОРА**

АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Оформление — *Яна Половцева*

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 **Логика выбора : [роман] / Данил Корецкий.** — Москва : АСТ, 2015. — 352 с.

ISBN 978-5-17-089865-7

В романе действуют разведчики — под легендами прикрытия, с использованием агентуры и поддельных документов. Засады, погони, подставы — все как в обычном шпионском триллере. Только они умеют летать, гипнотизировать, ставить силовые поля и выполняют задание на далекой, обреченной на гибель планете, а их задача — спасти часть местного населения. Подобрана безопасная планета, готовы огромные звездолеты. Только кого из полутора миллиардов жителей спасать? По каким параметрам отбирать тех, кто достоин продолжать жизнь? Многочисленные приключения переплетаются с моральными проблемами, а концовка все равно оказывается неожиданной.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-089865-7

© Д.А. Корецкий, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ГЛАВА 1

ПОД «ПРИКРЫТИЕМ»

Текущее время. Марк Джордан

Мы гуляли до заката, но и когда солнце село, не вернулись под крышу, хотя народные защитники не рекомендуют добрым гражданам задерживаться в это время на улице без крайней необходимости. В наступивших сумерках стали отчетливо видны зловещие огненные щупальца, выглядывающие из-за горизонта, будто спрятавшееся солнце хотело дотянуться до каждого, кто нарушает эту рекомендацию. Но нам было так хорошо, что идти домой не хотелось.

— Что происходит с Тором? — спросила Клайда, доверчиво прижимаясь к моему плечу. — Он стал похожим на огромного вунора!

— Понятия не имею, дорогая, я ведь понимаю только в картинах и скульптурах. А вуноров, как ты знаешь, я вообще не ем.

— Как странно... Они ведь очень вкусные.

Клайда отстранилась и внимательно осмотрела меня.

— В тебе так много странного, что иногда я задумываюсь: кто ты такой?

Я вновь привлек ее к себе.

— Твой верный рыцарь!

— Что такое «рыцарь»?

— Храбрый воин в железных доспехах, который служит своей даме.

— Разве воины служат женщинам? — удивилась она. — Напротив — женщины обязаны ублажать воинов! И что такое железные доспехи? Откуда ты это взял?

— Об этом написано в древних книгах.

— Сколько же книг ты прочел?

— Много. Но нам, пожалуй, пора возвращаться.

Впрочем, ноги сами несли нас домой, потому что за углом показался мой квартал 12 Б. Яркий фонарь освещал обязательное средство наглядной агитации: большой цветной плакат, на котором рослый красивый наводчик чем-то вроде трезубца пришил к земле отвратительное существо, похожее на дьявола: злобная морда с оскаленными клыками, рога, копыта... И надпись: «Уничтожим коварного врага! Смерть Агрегании!» Понизже миролюбивая информация: «Жилищное образование второй категории “Всеобщее счастье”».

— Ты веришь во всеобщее счастье? — спросила Клайда. Этот вопрос выдавал в ней развитие выше среднего. Гораздо выше.

— Не знаю. И об индивидуальном счастье можно говорить с большой долей условности, а уж о всеобщем...

Щупальца Тора наконец скрылись за горизонтом. Фонарей становилось все меньше, небо закрыли тучи, вместе с мраком сгушалась и окружающая атмосфера. Из переулков и подворотен раздавались пьяные песни,

брань, истерический смех и угрожающие крики. Это действие браски — самого дешевого и низкокачественного спиртного напитка. Когда-то я проверил сногшибательные свойства браски на себе, и теперь боялся его больше, чем этих отвратительных морских гадов-вуноров, которых отчаянные смельчаки вытаскивают из океана, а потом продают за сумасшедшие деньги в рестораны для гурманов.

Когда мы уже подходили к дому, я отчетливо ощутил опасность. Еще раньше, чем в зыбкой темноте колыхнулись более плотные тени и пересекли наш путь. Уличная гугла. Трое. Молодые самцы. Они излучали агрессию и ненависть, а также большой опыт ночных расправ. Зря мы нарушили рекомендации общей полиции. Впрочем, лучше бы они патрулировали улицы вместо того, чтобы давать советы. Это было бы гораздо полезней...

Трое сократили дистанцию и взяли нас в полукольцо.

— Ой, Глостер! — Клайда задрожала всем телом и прижалась ко мне еще теснее.

— Не бойся, — шепнул я. — Все будет хорошо!

Этими словами мужчины всегда успокаивают женщин, но далеко не всегда эти обещания сбываются. Хотя сейчас был не такой случай.

Вопреки существующим здесь обычаям, агрессивные самцы не улыбались, а скалились по-звериному. Впрочем, обычное зрение этого не определяло, Клайда, например, могла различить только светлые пятна лиц, если эти дегенеративные рожи можно было назвать столь пристойным словом.

— Деньги нужны, и женщина нужна, — сказал самый высокий, выдавая себя вожаком стаи. — Давай все,

что есть, и уходи. Будешь здоровым и доживешь до сорока!

— Деньги не дам, женщину не дам. А до сорока уже дожил, — очень предметно разъяснил я, потому что навойцы, как правило, понимают только конкретные высказывания. Туманные обороты типа «убирайтесь, а то будет хуже», «не на того напали» или увещевания «грабить нехорошо» и тому подобные они просто не воспримут. Поэтому я вежливо улыбнулся и, соблюдая все традиции и правила поведения, сказал: — Уходите, и ваши тела останутся невредимыми.

Но ночные звери не поняли даже предельную конкретику. Они подступили ближе.

— А он болтлив! — сказал тяжелый, как шкаф, громила, стоявший справа от вожака.

— И глуп! — добавил низкий крепыш, который стоял слева. За спиной он прятал какое-то оружие, кажется нож.

Все происходящее походило на начало земных драк в давно ушедшие века. Сейчас вожак без замаха ударит меня в лицо...

Я поставил защиту. Невидимый посторонним туманный кокон окутал меня с темени до ступней, отбросив Клайду назад и в сторону. В тот же миг высокий нанес свой коварный удар правой — резко и сильно, будто из пушки выстрелил. Но траектория «снаряда» оборвалась в нескольких сантиметрах от моего лица. Кулак с силой врезался в энергетическое поле, будто в бетонный монолит. Раздался хруст пальцев, запястье подвернулось, выворачиваясь из сустава. Вожак истошно закричал, отпрыгнул назад и, подхватив обвисшую руку другой, прижал к груди, укачивая, как плачущего ребенка.

— Что с тобой, Лостр? Что он тебе сделал? — «Шкаф» откинул могучий корпус назад и всем телом послал вперед голову, целясь лбом мне в переносицу. Такой удар всегда надежно выводит противника из строя. Но не сейчас. На этот раз он с маху разбил себе лицо и, залившись кровью, опрокинулся на неровную мостовую.

Низкорослый крепыш не стал повторять ошибки приятелей, а совершил собственную: воспользовался ножом! Его рука описала стремительный полукруг — длинный клинок должен был неожиданно вонзиться мне в правый бок, но почему-то сломался, а соскочившая с рукояти рука была до кости распорота лезвием уцелевшего обломка... Он громко заорал, хлынула кровь...

Теперь конкретика стала осязаемой, и те, кто был способен воспринимать окружающую действительность, наконец-то все поняли. Вожак и крепыш, громко причитая и отчаянно ругаясь, бросились наутек, оставив лежащего без сознания «шкафа» на произвол судьбы. По законам, которыми руководствовались такие типы, я должен был добить раненого, и они уже вычеркнули его из числа живых.

Я убрал защиту и протянул руку назад.

— Клайда, пойдем, пока не приехали защитники.

Холодная дрожащая ладонь вцепилась в мою.

— Кто?!

— Народные защитники, — конкретизировал я.

— А-а-а... Пойдем быстрее, я чуть не умерла от страха! Как ты это сделал?

— Что сделал?! Я стоял и не двигался. Они сами все делали...

— Ну, да, конечно, — неуверенно сказала она. И тут же спросила: — А что они делали?

— Как что? Перебили друг дружку в темноте.

— А, ну да, конечно... Побежали, в другой раз так не повезет!

И мы побежали, хотя вокруг уже не пахло опасностью.

* * *

Я сплю чутко и все же проснулся вторым. Наверное, потому, что чувствовал полную расслабленность. Обнаженная Клайда стояла у окна и, прижавшись к стеклу, смотрела наружу. Ей пришлось облокотиться на подоконник и слегка наклониться, так что в лучах восходящего солнца выглядела она весьма соблазнительно. Узкая спина, тонкая талия, округлые бедра, длинные красивые ноги, рассыпавшиеся волосы... Она была похожа на модную в двадцать первом веке земную куклу. И в приоткрытой промежуности все было, как у куклы — то есть ничего не было! Потому что то, что должно там находиться у земной женщины, у навоек располагалось в нижней части спины, в районе крестца.

— Что ты видишь? — спросил я.

— Народных защитников, — как всегда конкретно ответила она. — Их много, и даже машина...

— Что они делают?

— Они пишут в бумагах, фотографируют, говорят с гражданами.

— Что они фотографируют?

— Ушедшего из жизни.

— Какого «ушедшего из жизни»? Я встал, подошел к окну, стал рядом и сразу все понял. Похоже, вчерашний «шкаф», как здесь говорят, «не захотел

больше жить». Применительно к ночной ситуации это звучит довольно точно: он не слушал предупреждений, да еще со всего маху ударил головой в энергетическую защиту. Сейчас он, раскинув могучие руки, распластанно лежал на спине и являлся центром церемониального действия, разворачивающегося вокруг и именуемого расследованием. Фотографирование, составление схем, расспросы...

— Ты не опоздаешь в присутствие? — деликатно спросил я, чтобы отвлечь Клайду от зрелища, которое могло пробудить в ней вопросы.

— Нет. Маргис Ку разрешает мне задерживаться.

Странно. Почему вдруг администратор района делает своей помощнице такие послабления? Может, потому, что у нее гладкая, сияющая кожа, всегда промытые волосы и...

— Он пользуется «правом начальника»?

— Нет, такое право есть только у руководителей городского уровня...

Размышлять на эту тему было неприятно, и я переключился на ту часть ее тела, о волшебных свойствах которой не хотел думать в связи с неизвестным мне Маргисом Ку. Она напоминала недовольно сжатые губы, но когда я ласково поводил по ним пальцем, губы разжались и, влажно чмокнув, проглотили его — палец оказался в горячей полости, где его тут же принялись щекотать и облизывать десятки нежных то ли язычков, то ли лепестков. Такое воздействие всегда приводило только к одной реакции...

— Ой, куда ты меня ведешь? — делано удивилась Клайда.

— В постель.

— А зачем?

— Сейчас узнаешь...

Она кокетничала, как земные женщины. Но те не имели и половины способностей навоек. А остальные навойки не имели и половины способностей Клайды. Во всяком случае, мне так казалось, и я знал, симптомами какой болезни являются мои ощущения. Еще не хватало влюбиться в обитательницу чужой планеты!

Когда все закончилось, мы расслабленно лежали и отдыхали. Вдруг Клайда приподнялась на локте и принялась внимательно меня разглядывать.

— Ты кто? — Вопрос прозвучал совершенно неожиданно.

Я насторожился.

— Я — Глостер Чи. Гражданин второй категории. Искусствовед. Владелец художественного салона. Организатор выставок картин. Я же рассказывал тебе все это, когда мы знакомились.

— Это я знаю. Но ты не такой, как все... Ты отличаешься от других...

— Почему? Что во мне такого необычного?

— Да вот хотя бы это! — Она принялась перебирать то, что отличало нас от навойских мужчин. — Ни у кого нет таких мешочков.

— Я же переселенец из северных провинций. У нас у всех это есть.

— Ой ли? — опытно усмехнулась Клайда, и я понял, что она гораздо тщательней изучила мужчин, чем мне казалось. В том числе и из северных провинций. — Ты осторожен. Смеешься редко. Умный, все знаешь. О чем тебя ни спроси, на все получишь ответ, будто держишь в руках последний том «Свода знаний навойцев». И еще, только не сердись, когда

ты устаешь, у тебя на теле выступает соленая вода. И она пахнет.

Такого открытия от нее я не ожидал. Неужели они не потеют? Ну, да! Ее кожа всегда сухая, как бы она ни уставала. А эта особенность их организмов так и осталась невыясненной. Это серьезный прокол!

— На севере всегда приходится воевать с горцами, мне приходилось бывать в разных переделках... Короче говоря, это последствие ранения.

— И пуля застряла у тебя здесь? — Она провела рукой по коже на боку, где прощупывался вживленный имплант, размером с крупную фасолину.

Однако вот это наблюдательность! Я киваю.

— Да.

— А где ты зарабатываешь деньги?

— Ты же знаешь, что у меня магазин произведений искусства.

— Да, но недавно я ждала тебя в кафе напротив. Ни одного покупателя за полдня. Никто даже не зашел.

Я насторожился. Неужели рядом со мной лежит тайный правительственный агент?!

Провожу поверхностную ментоскопию. Нет, ее интерес искренен и базируется на личных наблюдениях и собственном опыте. Значит, и любой другой может сделать такие же выводы! Правда, не исключено, что ее подлинный интерес специально замаскирован и не определяется при поверхностном зондаже. Но тогда наоборот — она не просто связана, а активно работает на Тайный департамент! Хотя вряд ли, просто нездоровой подозрительности я научился из злых книг, которые не читают нормальные люди...

— Тебе просто не повезло, детка! Картины художников дорого стоят. Если за месяц продадутся две или три, этого вполне достаточно.

Клайда разочарованно откинулась на спину и, глядя в низкий потолок, сказала:

— Ты хитрый, как чиновник, и верткий, как змея на болоте. Тогда ответь мне, что произошло вчера вечером?

— На нас напали, — сказал я чистую правду.

— Это я видела. Но они не били друг друга! Они били тебя, и сами падали! Один повредил руку, другой сломал нож и порезался, третий вообще не захотел жить...

— А что делал я?

— Ничего.

— Тогда почему ты меня спрашиваешь?

— Как клубок болотных змей! — воскликнула Клайда. — Скользких, вертких, быстрых и осторожных!

Я погладил ее маленькие груди.

— В одной старой книге я прочел мудрую поговорку: меньше знаешь — крепче спишь!

— Странная поговорка! Значит, невежды спят лучше мудрецов?

Я насторожился. Что это — простота непонимания или наоборот — философия, непостижимая для скромной помощницы администратора района?

— Не совсем так. Но примерно... Кстати, что там со странным человеком, который отличается от других навойцев еще больше, чем я?

— Больше или ровно настолько же? — переспрашивает она с улыбкой. — Который тоже из северных провинций? И про которого ты уже трижды спрашивал и получал ответы?

Черт! Придется подтереть ей память. Другого выхода нет! Но тон у меня остается самым обычным — расслабленным и безразличным, каким болтают о всяких пустяках или малозначащих вещах.

— Да, он мой земляк, и я тебя спрашивал. Но ты обещала посмотреть книги специальных сообщений за прошлые годы.

Она придвинулась ближе и забросила на меня голую ногу.

— Я просмотрела те книги, которые есть в нашей канцелярии и еще не сданы в архив... Но за последние пять лет про такого необычного человека специальных сообщений не поступало. Правда, у нас собирается только то, что проходит по гражданской линии: где-то рухнул дом, где-то случился пожар, или лупар вырвался из зоопарка и напал на зрителей. Я слышала о специальных донесениях про странных людей, но они ужасно засекречены и накапливаются у народных защитников или даже в Тайной полиции...

Она оборвала фразу и замолчала, будто задумалась — как оправдать этот обрыв.

— У них свои каналы информации.

Что ж, очень изящно, не подкопаешься...

Клайда что-то мурлыкала и водила пальцами по моему лицу. У нее были красивые руки и отсутствие ногтей уже не вызывало негативной реакции.

— А знаешь, мне даже нравится этот твой запах, — неожиданно сказала она. — Хотя ни от кого из тех, кого я знаю, так не пахнет.

— Когда ты будешь выходить, защитники народа спросят про этого, который не захотел жить. — Я попытался сменить тему. — Скажи, что ты пришла поздно и в темноте его не рассмотрела.

— Хорошо, — кивнула Клайда. — А сколько тебе лет? Ты вчера сказал — сорок. Что это значит? Ты не похож на глубокого старика.

— Пошутил, назло этим бандитам.

Она встала и принялась одеваться.

— У тебя на все есть ответ. Что ты ответишь на просьбу дать мне двести монет?

Я облегченно перевел дух. Эта тема не имеет подводных камней.

— Конечно, ты их получишь!

— А если я попрошу свозить меня в Роганду?

Однако! Я помолчал. Конечно, соглашаться на бесцельную трату денег и привлечение к себе излишнего внимания не стоит. Но я кивнул.

— И это ты получишь. Кстати, а сколько тебе лет?

— Четырнадцать...

Да-а-а... Там, *дома*, страшно подумать, что бы могло меня ожидать за связь с ребенком! А здесь... На вид ей лет двадцать пять — тридцать. Это вполне сформировавшаяся женщина, которой давным-давно надо было родить. Почему у них такой маленький жизненный цикл? Хотя навойский год равен двум земным, если знать это, то все становится на свои места.

В крохотной прихожей я обнял Клайду за плечи, скользнул руками по шее, сжал ладонями виски, замер. И... передумал делать то, что собирался. Потому что невозможно прицельно стереть только воспоминание о вчерашнем вечере и о моих вопросах. Из памяти может вылететь продолжительный период жизни: и неделя, и месяц, и год... А я не хотел, чтобы она забыла про гражданина Чи!

— Ты всегда помнишь про меня? — задал я глупый вопрос.

— Не каждое мгновенье, — конкретно ответила женщина. — Но вспоминаю два-три раза в час. Если, конечно, не отвлекают дела.

Она прижалась теснее, и я поцеловал ее в шею, под ухом. Клайда тихо засмеялась, поежилась и отстранилась.

— Зачем ты это сделал?

— Захотел и сделал...

Я уже понял, что допустил ошибку. На Навое не ценовались: подобное проявление чувств вне местных традиций.

— И это тоже странно. Меня мучают сомнения, а ты выкручиваешься... Что я должна думать?

— Только не делись ни с кем своими сомнениями, — сказал я. — Иначе меня могут заподозрить в том, что я шпион Агрегании.

Она засмеялась.

— Что ты! У них же на голове рога и копыта на ногах!

Вот это сила пропаганды!

— Ну, все равно... Не будешь ни с кем обсуждать мои странности?

— Обещаю!

Детский сад какой-то, Марк Джордан!

* * *

Я крутанул пластмассовые краны, и на голову пролилась теплая вода. Пот она смыла, но освежить так и не смогла. Растеревшись жестким, как наждачная бумага, полотенцем, я принялся за бритье. Лезвие скользило по щекам, оставляя в мыльной пене чистую дорожку. Наконец от пены остались только небольшие хлопья, я смыл их водой, промокнул лоб и щеки, оценил результат. Из мутного зеркала на меня пристально смотрел усталый, озабоченный, но зато чисто выбритый человек. Черты довольно грубые, но лицо не лишено привлекательности: тяжелый британский подбородок с глубокой ямочкой, прямой тонкий нос, глубоко